

Владимир Игнатьевич Лукин

Щепетильник

Владимир Игнатьевич Лукин

Щепетильник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22136833

Аннотация

«Любезный друг! Справедливость велит нам неупустительно благодарить тех людей, от коих мы одолжение получаем. Я, будучи одолжен тобою, спешу доказать тебе, не столько по сему правилу, сколько по чувствованию сердечному, новый знак моего дружелюбия и тем желаю оное утвердить между нами. Удивишься ты, любезный друг, прочтя сие выступление: оно тебе весьма невнятно покажется; но еще более удивишься, узнав, что избран ты мною в число меценатов и что я приношу тебе такое сочинение, в котором твоею помощью голова моя нимало не трудилась, а только правая рука несколько часов черкала по бумаге и тем не много обеспокоилась. Ведаешь ты, что она у меня весьма поспешна, но по ее несчастью не столь быстры мои мысли. Оне почасту заставляют сию скорodelку останавливаться и класть перо; а она, не любя праздности, иногда чрезмерно за то огорчается...»

Содержание

Письмо к господину Ельчанинову	4
Предисловие к «Щепетильнику»	16
Щепетильник	20
Действующие лица	20
Явление I	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Лукин

Щепетильник

Письмо к господину Ельчанинову

Любезный друг!

Справедливость велит нам неупустительно благодарить тех людей, от коих мы одолжение получаем. Я, будучи одолжен тобою, спешу доказать тебе, не столько по сему правилу, сколько по чувствованию сердечному, новый знак моего дружелюбия и тем желаю оное утвердить между нами.

Удивишься ты, любезный друг, прочтя сие выступление: оно тебе весьма невнятно покажется; но еще более удивишься, узнав, что избран ты мною в число меценатов и что я приношу тебе такое сочинение, в котором твоею помощью голова моя нимало не трудилась, а только правая рука несколько часов черкала по бумаге и тем не много обеспокоилась. Ведаешь ты, что она у меня весьма поспешна, но по ее несчастью не столь быстры мои мысли. Оне почасту заставляют сию скорodelку останавливаться и класть перо; а она, не любя праздности, иногда чрезмерно за то огорчается.

Но время оставить ничего значущее слов сплетение и начать о деле, для того, что и ты при всех своих редких дарованиях, то есть при кротости, скромности и хладнокро-

вии, иногда нетерпелив бываешь; не взирая на то, что, учась в К...* прослушал ты неоднократно и небесплодно все части философии и, будучи между педантами, прочел раз пять-шесть, хотя и неохотно, Гофманово о спокойствии душ сочинение*, редко оные успокоивающее.

Я думаю, что не забыл ты своей просьбы, которую нередко убеждал меня к предложению *Voutique de Vijoutier** на наши нравы, таким образом, чтобы ее, как драматическое сочинение, и на театре представлять можно было. Если ты сие памятуешь, то и о том вспомнить можешь, что я всегда от того отрицался, видя, по моему мнению, великие в том трудности. Но сие отрицание единственно в словах заключалось, а сердце мое с твоим сердцем, по согласию чувствований на веки соединенное, всегда к противоположному меня побуждало и нудило сделать тебе угодение. А как ты не упустил и из Глухова* о том ко мне отписать, то я начал самым делом приготавливаться к переделанию в комическое сочинение сей аглинской сатиры, не только солью, но и селитрою наполненной. Прочел я ее в один день два раза, и чем больше в нее вникал, тем меньше к удовольствию твоему находил способов. Целый день об ней думая, лег я спать и, наполняя ею голову, однако не предприняв точного к предложению намерения, но утомившись мыслями, заснул и к чрезвычайному и притом неожиданному счастью ее во сне увидел. Многим людям, которые мало или вовсе снов не читывали*, весьма странно покажется такое сновидение. Но нам, прочетшим славные сны г.

Кригера* и еще немецкого же сновидца, изданного без имени авторского, в котором, несмотря на то, что он не в поллиста и не в десяти частях, можно найти очень много доброго нам с тобою и тем, кто столько же, как мы, снов прочли, и следующие из моего сонного приключения обстоятельства в диковинку не будут. Я чувствительно сожалею, что не могу всего сна точно написать, но что из него вспомню, то и тебе между прочим сказать не упущу.

Вдруг узрел я себя, не знаю каким случаем, в числе зрителей комедии, на всенародном театре* представляемой¹. Но какой же комедии? Самой той, о которой от тебя довольную вытерпел я доуку и которую тебе приписываю.

Очутившись при сем позорище еще до начатия и не зная, что представлено будет, спрашивал я о том стоявших возле меня, и в ответ сии слова от одного соседа услышал: «По правде сказать благородию вашему, мы материи, о чем комедь гласит, досконально и фундаментально не ведаем; а от

---

¹ О сем позорище, может быть, ты и не слыхал, живучи в стране, о театре ни мало не пекущейся, и я согрешил бы пред тобою, не уведомив тебя о том, что сведения всякого человека, пользу общественную любящего, достойно. Со второго дни Святыя Пасхи открылся сей театр; он сделан на пустыре за Малою Морскою. Наш низкия степени народ* толь великую жадность к нему показал, что, оставя другие свои забавы, из которых иные действием не весьма забавны, ежедневно на оное зрелище сбирался. Играют тут охотники, из разных мест собранные, и между оными два-три есть довольно способностей имеющие, а склонность чрезмерную. Сия народная потеха может произвесть у нас не только зрителей, но со временем и писцов, которые сперва хотя и неудачны будут, но вследствие исправятся. Словом, я искренно тебя уверяю, что сие для народа упражнение весьма полезно и потому великия похвалы достойно.

ахтеров слышали, что имеют быть *предварительно и стоически* представлены в лицах разныя новоманерные галантереи»*. Разные галантереи? – спросил я его... – «Да, сударь», – отвечал мне другой по левую руку стоявшей, которой при всяком слове в затылке почесывал и которой так скоро говорил, как трещотка, и в речах его не было ни запятых, ни двоеточия, ни точек. «Да, дорогой наш милостивец, я тоже слышал, что станут выкидываться на предъявленном киятре ориентальные, французские штуки, на наши русские манеры обделанные, и сам медиатер* ² мне *предположительно* божился, что очень много проказного увидим».

Я нарочно пишу тебе словами моих соседей, которым я очень не рад был, но уйти от них не имел способу, чтобы ты узнал, кто они таковы; а что бы тебе об них еще легче угадать было, опишу их одеяние. На одном был кафтан синей и на нем только три пуговицы, камзол зеленой, штаны черные замшанные, а шлифы висели, для того, что пряжек шлифных не было, о которых я, по их дружескому между собою разговору, скоро узнал, что оне для опохмеления заложены поутру на первом кружале. Рубаху имел он с холстинными пречорными брызгами. Волосы у него не только не завиты, но всклочены и назади пучком связаны были; а шея пречорная, напоказ выставленна, без галстука, и без платка; а куда оные, по нашему необходимые вещи, скрылись, узнать мне не удалось, но уповаю, что с пряжками имели оне одинако-

---

² Сим именем называется начальник всех таковых комедиантов.

вую участь. На другом какой кафтан и камзол были, заметить я не мог, потому что он имел на себе епанчу прелеветхую, под пазухами распоротую и без пуговиц же, не отставая своей братьи; а на волосах кошелек, на шее же, вместо галстука, поношенной полуиталианской платок, нараспашку завязанной.

Ты, любезный друг, думаю, не удивишься сей неопрятности, ведая, что оные молодцы и в должности столько ж нерадивы и, перенимая от большей части наставников своих одно криводушие, не только о порядке, но многие из них и о самой истине вовсе не пекутся. Продолжение удалого их разговора долго слушать не имел бы я терпения, потому что слова их мимо меня летали; а вместе с ними и запах винной, показывающей, что они держатся сея пословицы: «Кто празднику рад, тот и до свету пьян; а кто его чтит, тот весь день не просыпается». Но они, по-видимому, и более того могли бы сделать, и на целую неделю пуститься, только сии зрелищи им помешали; а если бы оных не было, то бы они в сию седмицу остались так чисты, как их мать родила. Божусь тебе, что их разговор удушил бы меня, и я, несмотря на тесноту и грязь, всеконечно бы от них удалился, но, к счастью моему, началась комедия и с нею смех общенародной, чему причиною был парик на Чистосердове* надетой, ибо речи его отнюдь ничего смешного в себе не имеют.

Услышав его с племянником разговор, которой мне показался достойным внимания, весьма я удивился, что такая ко-

медия для народа представляется, где лишь одни, смех производящие, сочинения играть надлежит. Но по первому явлению отнюдь не было следа узнать, что она я комедия из Бижутиера переделана*, да и я, не взирая на прилежное мое слушание и на то, что часто твердил Чистосердов племяннику своему о галантерейщике, не мог об ней догадаться, ибо действие начавшие лица, суть против аглинския сатиры прибавленные, также как и два крестьянина, работники Щепетильниковы. Выход и разговор оных простолюдимов несказанно рассмешил меня, и думаю, что смех мой был столь неумерен, что ежели бы слуга мой спал в одной со мною комнате, то бы он непременно разбудил меня, подумав, что, конечно, домовый шутит надо мною, чего бы он из христианской любви, конечно, не вытерпел: но, к удовольствию моему, спал он в другой комнате и не помешал сновидению. По выходе галантерейщика и по речам его, нашел я в нем точного *Vijoutier*, и наконец, слушая с пущим прилежанием последующие явления, ясно уже я приметил, что сия сатира довольно хороша для нашего театра переделана. Соблюдено в ней единство места, и все наклонено на наши нравы; а больше всего то мне показалось, что действие положено в вольном маскараде*, которой весьма к тому приличен. Долженствую к стыду моему признаться, что избрание места к действию, мне больше всего труда причиняло, тогда, когда я старался тебе угодить, помышляя о преложении сего сочинения, и я не мог попасть на таковое счастливое изоб-

речение, какое в оной комедии, видя ее во сне, приметил. Но мне не об себе говорить должно, а о превращенном Бижутере. Он, претворившись в комическое сочинение, как по содержанию, так и по колкой сатире может назваться довольно хорошим, а по слогу весьма посредственным, ибо видно, что хотя трудившейся и желал показать свойство российского языка, но, не имея довольного знания и дара красноречия, желания своего не исполнил. В нем виден человек с охотою начинающей, и ты, прочетши, думаю, сам то же скажешь, потому что я ни одного не переменял слова, а все его выражениями писал, кроме разговора крестьянского, коих наречия не мог я изобразить толь живо, как во сне слышал. Причиною тому, что я, не имея деревень, с крестьянами живал мало и редко с ними разговаривал. Полно, у нас не все те крестьянской язык разумеют, которые наделены деревнями; не много сыщется помещиков, в состоянии сих бедняков по должности христианской входящих. Есть довольно и таких, которые от чрезмерного изобилия о крестьянах инако и не мыслят, как о животных, для их сладострастия созданных. Сии надменные люди, живучи в роскошах, нередко добросердечных поселян, для прибавления жизни нашей трудящихся, без всякия жалости раззоряют. Иногда же и то увидишь, что с их раззолоченных карет, с шестью лошадьми без нужды запряженных, течет кровь невинных земледельцев. А можно сказать, что ведают жизнь крестьянскую только те, которые с природы человеколюбивы и почитают их равным

созданием и потому и об них пекутся. Но я, забывшись, во-все было от содержания удалился, что нередко со мною, как и со многими молодыми писцами, случается; однако опять за него принимаюсь.

Не трудно было мне заметить, что Верхоглядов и Самолюбов* суть лица, также почти вымышленные; но не мог я угадать, на каких характеров оными целено. И как скоро комедия кончилась, то я, спросив моих соседей, можно ли идти на театр, и услыша, что можно, немедленно пошел туда. Вошедши спросил я комедианта, игравшего лицо крестьянское, потому что он мне прежде всех на глаза попался, чьего сочинения комедия, и как называется. Он мне сказал с довольною гордостью, хотя был в действии не героем, а крестьянином, что о том не знает, а что могу я сведать от их медиатора. – Да где же мне его сыскать, – осмелился я еще спросить наиучтивейшим образом сего надменного Цапату*? – В пробирной или в уборной палатах, – ответил он и, указав рукою, продолжал: «Вон туда поди!» и не промолвив более ни слова, начал подбоченившись между театром и уборною похаживать. Не взирая на холодной его прием, которой смутил меня, взял я смелость войти в уборную и только дверь отворил, то увидел между прочими комедиантами одного наборщика академической типографии*, из тех, которые мои переводы набирают. Спросил я его о названии комедии и сочинителе ее, и в ответ, весьма учтиво произнесенный, получил, «что он ни того, ни другого не знает, ибо имеет честь быть при кватре

суфлером; а в роли комедиальные и в артемедии* не мешается». Однако же по знакомству сделал он мне ласку и подвел меня к г. медиатору, в котором увидел я наборщика ж. Оной был тот самый, которой первые играет лица и которой больше всех способности имеет. Я не могу приветливостию его довольно нахвалиться. Он, выдав меня в типографии, весьма снисходительно со мною обошелся, и я увидел, что не надмен он мнимым своим достоинством, подобно некоторым из чужих краев выезжающих актерам; а притом не было в нем и виду излишнего унижения, подлыми низкопоклонщиками и гнусными такальщиками, для прикрытия их поносных желаний употребляемого. Оной г. наборщик сказал мне, что имя комедии французской *Галантерейщик*, а кто ее делал, он не знает. Я начал было его убеждать просьбою к открытию сея тайны, но не мог ничего выведать. Он поклялся мне, что не ведает, чьей она композиции; а известно ему только то, что прислана к ним в конверте с партикулярным человеком... Я просил ее показать мне, что он и сделал, и с его же позволения списал я имена действующих лиц и число явлений. А как, по их словам, «начали на киастре балет выкидывать и ломаться», то я, не желая сих забав видеть, с медиаторской же воли прочел игранную комедию и так твердо удержал ее в памяти, что, проснувшись и повторив все виденное и слышанное, взял перо и записал сперва имена и явления, а потом в два дни и всю положил на бумагу. Но мне не захотелось назвать ее *Галантерейщиком*; это бы значило чужое слово

написать нашими буквами, и для того назвал я ее *Щепетильником*, и в защищение оногo слова принужден написать предисловие.

Стыжусь тебе, Богдан Егорович, сказать о слабости моей. Я был столько суеверен, что на другой день предпринял идти на общенародное позорище и искусненько выведать, какие там играютя комедии и нет ли между ими в истину Бижутьера. Самым делом подозвав с собою некоторых знакомцев, к письменам прилежащих, пришел я на оное зрелище и, удаляся от них, пробрался на театр, и там действительно нашел... но не комедию, а наборщиков, играющих комедии, и тех самых, коих я во сне видел. Сие заставляет меня верить, что сны иногда некоторую часть правды предсказывают, ибо я прежде не бывал там и не знал, кем комедии играютя. Спрашивал я господ комедиантов, какие есть у них комедии? И узнал, что они выучили *Скупого**, *Лекаря поневоле**, *Генриха и Перниллу**, *Новоприезжих** и *Чадолубие**, и что более оных не выучили, а будут еще учить *Привидение с барабаном**.

В тот день играли *Скупого*, и народу было очень много: почти вся чернь, купцы, подьячие и прочие им подобные. Много и знатных господ и посредственных чиновных людей из любопытства приезжают. Но дело не до описания туда ходящих и комедий там представляемых; а дело в принесении тебе благодарности за то, что твоею просьбою получил я случай доставить на русской язык сие сатирическое сочинение.

К тому же и письмо мое, которое приписанием назвать должно было, и так уже слишком расплодилось и почти уже вышло из своего рода, но пусть читатели называют его, как им заблагорассудится. Я уверен, что ты почтешь его знаком дружбы моей. Ты причиною моего сновидения, и тебе должно приписать плод, от него полученный. Прими его, любезный друг, и верь, что я и наяву всего для тебя сделать не отрекуся, что дружба повелевает. Живи благополучно! Я сердечно желаю исполнения всех твоих желаний и без околичностей, которые между людьми, в письменах упражняющимися, а кольми паче между друзьями, не должны быть терпимы, просто сказываю тебе, что я есмь и вечно буду

Твой верный друг и усердный слуга

Вл. Лук.

П. П.* Чуть было и не забыл я о преважной для меня просьбе. Она будет состоять не в убеждении тебя к защите приписанных от меня комедий, в противность многих писцов, кои свои сочинения единственно для получения обороны боярам надписывают, но в том она заключается, чтобы ты, ради бога, промолчал, что сие письмо довольно беспорядочно написано. Ежели ты скромн будешь, так немногие о том узнают по нижеследующим причинам. Иные заняты делами и не имеют времени читать наших сочинений, да они же и не успеют за нами, потому что мы ныне чресчур поспешно бумагу мараем, иные вовсе наших трудов не читают; а иные хотя и читают, но не только о тех правилах, в коих

читаемое ими сочинение должно быть написано, не ведают и ведать не будут, но и читают не для понимания, а для того, чтобы похвастать, будто и они нечто читают... А! я пропустил было еще род чтецов, которые почти все читают, но только на то, чтобы побранить трудившихся; и они имеют множество подражателей, которые хотя и ничего не знают, однако язвительно бранятся. О защищении же комедии просить тебя я ни малья не имею нужды, твердо уповая, что хотя некоторые чтецы просмотрят мое надписание и предисловие, а от оных промчится слух и до тех, кои предисловии и надписании никогда не читают, а чрез то, и те и другие сведают, что комедия не моя, а во сне виденная.

Предисловие к «Щепетильнику»

Всякой, кто не поленился прочесть письма моего к г. Ельчанинову, пред сим напечатанного, увидит, что следующая комедия не плод трудов моих, но плод счастливого сновидения. Я пишу сие предисловие в защиту единого только слова и за то по справедливости можно назвать меня педантом. Пусть называют; что делать! я принужден на этот раз, хотя и неохотно, вытерпеть сию укоризну и должен непременно защитить данное оной комедии наименование.

Я писал к г. Ельчанинову, что странно показалось мне сию комедию назвать французским *Галантерейщиком*, как оную во сне называли, и я чаял, что многие читатели меня за то еще бы более, нежели за слово *Щепетильника*, осуждать стали. К тому же я и сам никогда бы не простил себе, издав на свет сие сочинение под чужестранным наименованием. Итак, следуя сему мнению, думал я, каким бы словом объяснить на нашем языке французское слово *Vijoutier*, и не нашел иного средства, как чтобы, войдя в существо той торговли, от которой произошло у французов оное название, сообразить ее с нашими торгами и рассмотреть, нет ли ей подобныя, что я без великого труда сыскал, и здесь предлагаю.

Во Франции в лавках *Boutiques des Vijoutiers* или *Boutiques des galantries* продаются часы, табакерки, перстни, пряжки и другие мелкие золотые, серебряные, фарфоро-

вые и прочие разных металлов и минералов вещи, которые по-французски галантерею называются и которые с французского языка в столичных наших городах почти всеми жителями под тем же именем приняты; за что тех, которые говорят, а не пишут, и винить почти не должно. Они, покупая из Франции вывезенные вещи, так их и называть начали, как у французов называются. Но мне, издавая сию комедию на русском языке, как уже выше сказано, не захотелось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не смотря на то, что подвергнулся хуле, несметному числу мнимых в нашем языке знатоков, взял к тому старинное слово Щепетильника, потому, что все наши купцы, торгующие перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочим мелочным товаром, назывались и ныне называются Щепетильниками. И если бы у дедов наших часы, готовальники и прочие, французами и другим народом к нам вывозимые вещи, даже до самых ни к чему годных безделок были во употреблении, то бы и оные также щепетким товаром назывались и Щепетильниками продаваны были. И сверх того неоднократно, не только от жителей малых городов и от купцов, но и от многих степенных господ, в столицах живущих, слышал я в разговорах, что они вместо того: «Он одет богато или прибористо», говорят: «Он щепетко одет». Итак *habit galant* может назваться кафтан и щегольской и щепеткой, а из того следует, что сие слово не только к тем товарам, кой галантерею называются, приличествует, но может быть довольно объяс-

нительно и к другим, но однакож не ко всем вещам, коим на французском языке прилагательное имя *galant* дается.

Итак для вышесказанных обстоятельств, а притом имея к чужестранным словам, язык наш безобразящим, совершенное отвращение, назвал я комедию *Щепетильником*, но назвал ее не с таким гордым намерением, чтобы никогда не переменить слова сего. Нет! Если те люди, кои язык наш лучше меня знают, и коих я всегда за то почитаю, если такие, говорю я, мнение мое опровергнут, то я в минуту с ними соглашуся. Но и тогда тем утешаться буду, что мною понуждены они к истреблению сего иноплеменнического слова, которое в наш язык совсем почти внедрилось и которое, если его, так как и многих, не истребят, может на долгое время остаться.

Что же принадлежит до переговоров таких людей, которые будут сие мною возобновленное слово опорочивать, не показав неоспоримого на мои доказательства опровержения, то я таковым сказываю, что их неосновательная хула меня не тронет, ибо я знаю, что они большею частию все то хулят, чего не разумеют. Но что мне до оных хулителей, ведаю я, что их много сыщется, но они не опорочивают, а ругают, и для того надлежит их презреть, что и сделаю. Но когда они вместо брани напишут на мои погрешности осуждение, то я на оное, если будет неправильно, сделаю ответ учливой, а если правильно, то употреблю его в мою пользу.

Много жалел я о том, что сия комедия почти не может быть играна, ибо в ней нет ни любовного сплетения, ниже

завязки и развязки, как и в аглинском подлиннике, и она не что иное, как характеры, на театр выходящие. Короче, она такового ж роду, как *Всесветный друг** и *Река забвения** господина Легранда и подлинники господина Фагана, но в ней гораздо более соку. Сверх того, она же для комедии в одном действии долговата, и ежели бы я ее сам переделывал и для представления готовил, то бы и сократить мог, но я, как уже все знают, ее себе не присвоиваю и печатаю для моих одноземцов, надеясь, что многие будут ее читать, подобно прочим сатирическим сочинениям, которые и в чтении приносят удовольствие и пользу всякому читателю, с добрым намерением за книгу принимающемуся. Я для таких только и тружуся, а не для тех, кои книгами стараются украшение комнатное сделать, а о том и не думают, что книги – и души и головы наши украшают.

Щепетильник

Комедия в одном действии

Действующие лица

Щепетильник

Чистосердов, майор при гражданских делах

Племянник Чистосердова

Нимфодора, Маремьяна – вертопрашки

Полидор, пересмешник

Притворов, бывший в придворной службе

Вздоролюбов

Легкомыслов

Обиралов

Верьхоглядов

Старосветов

Самохвалов

Мирон, Василий – работники Щепетильниковы

Действие в вольном маскараде.

Театр представляет большую комнату, украшенную столами, стульями и стенными подсвешниками, в которых све-

чи, уже по приходе Щепетильниковых работников, зажигаются. На правой стороне, близко оркестра, сделан прилавок Щепетильников. В оную комнату вход с трех сторон.

Явление I

Чистосердов и Племянник.

Чистосердов. Когда уже моему брату непременно захотелось записать тебя в службу и здесь оставить, то я в твою предосторожность, любезный племянник, покажу тебе все сборища, в которые почти ежедневно жители столичных городов съезжаются. Несколько раз видел ты комедии и меня обрадовал, что они тебе, в противность мнения многих людей, которые зрелищи пуще порчею, нежели поправлением нравов почитают, показались в истинном их виде. Ты почел их не увеселением для глаз, но пользою для твоего сердца и разума. Был ты и в маскараде придворном; он тебе весьма понравился. Теперь увидишь ты здесь и вольный маскарад; увидишь в нем множество людей, и, не зная их, испытываешь их нравы и обхождения, что великую принесет тебе пользу.

Племянник. Я вам, дядюшка, за ваше обо мне попечение весьма благодарен и буду...

Чистосердов. Будь всегда таков, каковым я теперь тебя вижу: чужд ласкательства и хитростей и непричастен таким делам, которые вечное бесчестие нам наносят. Ты безвыездно жил в Пензе с своим отцом, которой хотя и воспитал тебя в благонравии, но не мог там показать в лицах всех сетей,

в которые молодой человек, как ли он ни одарен разумом, однако часто попадает. Но в здешнем городе, а особливо в этом доме, рассмотришь ты всех родов людей: я нарочно для того тебя и сюда привез; но дивлюсь, что так долго не съезжаются.

Племянник. Может быть сегодня и никого не будет.

Чистосердов. Не может статься! Мне уже чрезмерно жаль, что по сию пору нет того глумливого Щепетильника, которой здесь продает и по ярлыкам проигрывает разные безделюшки; ты уже от меня об нем слышал неоднократно. Постоявши возле него, в два часа больше людей узнаешь, нежели живучи в городе в два года.

Племянник. А в которой же горнице он бывает?

Чистосердов. Вот его прилавочек. Он по 50 рублей на неделю за него платит и вымещает дороговизну над нашими молодчиками: берет с них за безделки тройную цену и их же при всякой вещи дурачит.

Племянник. Но ездят ли сюда придворные и другие господа?

Чистосердов. Всеконечно. Большая часть из них после ужина приезжает. Иные прямо для провождения времени и отдохновения от трудов, а иные собираются только за тем, чтобы над нашею братьею, малочиновными людьми посмеяться, но часто сами смешнее нас бывают.

Племянник. Но кто осмелится над господами смеяться? Я, хотя недавно здесь живу, однако видал, что их нередко и

за дурачества хвалят.

Чистосердов. Это делают льстецы, которых здесь больше, нежели чистосердечных.

Племянник. Разве льстецы всегда возле бояр трутся и разве в них слабостей больше?

Чистосердов. Нет! Слабости и страсти находятся равно в людях всякого состояния, но на знатного господина глаза всего народа обращаются, и в нем пороки виднее, нежели в малочиновном. Правда, что у нас больше таких бояр, которые, обладая прямыми достоинствами, истину любят, но и тех довольно, которые слепые похвалы желают. А иногда и самые добродетельные и разумные люди несколько времени от льстецов в ослепление приведены бывают.

Племянник. Для чего же у вас льстецов терпят?

Чистосердов. Для того, что их слова приманчивы человеческому самолюбию, которое иными чрезмерно обладает. К тому же честной человек льстеца не скоро и узнать может. Первой о большей части людей по себе рассуждает; а последней без труда приемлет на себя все виды, по времени и обстоятельствам, и хотя он похвалами всякому погибель готовит, однако притворством оболыщает простосердечие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.